

Б. Х. БАХРИЕВ

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Бахри Хуршедович Бахриев

аспирант Кафедры мировых политических процессов
МГИМО МИД России.

E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования ресурсов публичной дипломатии во внешнеполитической практике США в регионе Центральной Азии. Автор утверждает, что американская публичная дипломатия, которая активно работает в названном регионе после распада СССР, является важным инструментом достижения не только региональных, но и глобальных целей США. Несмотря на определенное ослабление значимости центральноазиатского направления в американской внешней политике на современном этапе, набирающая в Центральной Азии силу российская публичная дипломатия, а также усиление там влияния Китая, вынуждают американцев искать варианты публично-дипломатического реагирования для удержания своих позиций в этом важном с точки зрения геополитики и энергоресурсов для них регионе. Названные тенденции формируют конкурентную региональную среду для осуществления публичной дипломатии.

Ключевые слова: публичная дипломатия, публичная дипломатия США, Центральная Азия, внешняя политика США, «мягкая сила», Большая Центральная Азия.

Публичную дипломатию США на современном этапе можно назвать самостоятельным инструментом внешней политики, включающим в себя такие механизмы воздействия на зарубежные общества, как информационные программы, образовательные обмены, проекты в области культуры и спорта и т. д. С некоторых пор американская публичная дипломатия реализуется с существенной опорой на концепции «мягкой» и «умной силы», в основе которых лежит «стремление США расширить число приверженцев американских ценностей за рубежом и вовлечь международную общественность в политическую повестку дня, предложенную Вашингтоном» [9, с. 121]. Названные концепции некоторые эксперты не без основания рассматривают как «элемент стратегии США, направленной на поддержание собственного лидерства в мире», то есть «одновременно теоретическим и прикладным продуктом» [4, с. 57].

После распада Советского Союза американская публичная дипломатия начала работать в новых независимых государствах постсоветского пространства, в частности в постсоветской Центральной Азии — давней сфере влияния России. В этом регионе она не ограничивается только разъяснением американской внешней политики местной общественности и мерами по повышению имиджа Штатов, а очень динамично трансформировалась в один из инструментов реализации внешнеполитических целей США, как тактического, так и стратегического характера.

Американская сторона видит миссию своей публичной дипломатии в «поддержке достижения целей и решении задач американской внешней политики, продвижении национальных интересов и укреплении национальной безопасности путем информирования иностранной общественности и влияния на нее, а также путем расширения и укрепления отношений меж-

ду народом и правительством США и гражданами остального мира». Программы публичной дипломатии, которые курирует заместитель госсекретаря, включают в себя связи с международными аудиториями, культурные программы, исследовательские гранты, образовательные обмены, программы посещения США и усилия американского правительства противостоять идеологической поддержке терроризма¹.

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: ЭВОЛЮЦИЯ ПРИОРИТЕТОВ И ЦЕЛЕЙ

Распад Советского Союза и появление на политической карте мира новых независимых государств Центральной Азии в какой-то степени избавили этот регион от периферийного статуса. Центральная Азия стала значимым геополитическим пространством, в котором соприкасаются интересы ведущих мировых держав. Причем, в случае США фактор сохранения высокого уровня регионального влияния России и усиление регионального присутствия КНР являются одними из главных мотивов для разнообразных инициатив по закреплению своих позиций в регионе.

В целом повышение интереса США к Центральной Азии обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами, важнейшими из которых, по определению американских специалистов, являются следующие:

- геополитическое положение региона;
- неразвитость демократических институтов в государствах региона, их социально-экономические проблемы и уязвимость перед новыми угрозами;
- перспективы вывода углеводородных ресурсов на мировой рынок [2, с. 64];
- фактор российского влияния и активизация Китая в регионе.

Эволюция американских подходов происходила в несколько этапов, определяемых в современных американских экспертных кругах как «Политика США в Центральной Азии 1.0; 2.0; 3.0», соответственно [12, с. 3–4]. Но российские исследователи обычно пишут о четырех периодах в эволюции центральноазиатской политики США [3, с. 163].

После распада СССР и обретения независимости странами региона в 1991 г. начался первый этап американской политики в отношении Центральной Азии, который продолжался до терактов 11 сентября 2001 г. Американские эксперты утверждают, что на первом этапе у внешней политики США в регионе было три приоритета:

- обеспечение безопасности от оружия массового поражения, доставшегося в наследство от СССР;
- помощь государствам региона в укреплении недавно обретенных суверенитета, независимости и территориальной целостности «в случае возрождения российского неоимпериализма» [12, с. 3];
- преодоления российской монополии на трубопроводные системы и транзитные маршруты нефти и газа из стран региона.

Хотя американцы говорят, что на первом этапе «США отвергли геополитический подход в отношении Центральной Азии в пользу долгосрочной политики поддержки формирования в регионе демократического строя, свободного рынка и экономической интеграции» [12, с. 3], однако вышеперечисленный подход вполне укладывается в рамки определенной долгосрочной геополитической стратегии. Но все же следует признать, что приоритетного значения Центральной Азии США в тот период не придавали. Повышение значения региона произошло в рамках «Политики США в Центральной Азии 2.0».

Характер сотрудничества США с государствами региона резко изменился после событий 11 сентября 2001 г. Хотя американская сторона сохранила интерес к осуществлению долгосрочной программы политических и экономических реформ, но на первый план вышла проблематика безопасности, поскольку США нуждались в тыловом обеспечении военной операции в Афганистане. Эта потребность привела к изменению приоритетов США, переносу акцентов с содействия политическим и экономическим реформам и соблюдению прав человека на вопросы доступа к военной инфраструктуре региона. У Вашингтона в регионе появились базы, усилились его геополитические позиции, что превратило центральноазиатское пространство

¹ Подробнее по каждому из названных направлений см.: *Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs*. URL: <https://www.state.gov/r/>

«из зоны второстепенного внимания в регион, занимавший важное место в стратегии США, пусть даже связано это было не с его собственной значимостью, а со вспомогательной ролью в усилиях по стабилизации положения в Афганистане» [12, с. 3]. В этом контексте появился геополитический проект США «Большая Центральная Азия», теоретической основой которого стали разработки Ф. Старра, увидевшие свет в 2005 г. [13; 14].

«Американская политика в ЦА 2.0» в целом достигла своих целей в части обеспечения тылов для контингентов США и НАТО в Афганистане. Однако в середине 2000-х гг. и до конца президентства Буша-мл. в центральноазиатском направлении внешней политики США назревал все более очевидный кризис, связанный с подходом США к взаимодействию с некоторыми региональными акторами, который строился в духе концепции «агрессивного реализма». Стремление США к активному распространению и даже готовность к насильственному внедрению институтов демократии испортили отношения США со странами региона, поставив перед следующим американским руководством задачу по переосмыслению политики в Центральной Азии [3, с. 159–161].

Помимо осознания неуклонного ухудшения ситуации на центральноазиатском направлении, на изменения в политике США повлияли такие моменты, как вывод основных сил американского контингента из Афганистана, украинский кризис и беспрецедентная активизация террористических группировок в мире. При этом некоторые эксперты полагали, что американское руководство стало исходить из гипотезы, будто вхождение Крыма в состав России и события на Востоке Украины демонстрируют способность Москвы к активным действиям в своем ближнем зарубежье, в том числе в Центральной Азии, а сопряжение российского и китайского присутствия будет побуждать государства региона стремиться к сохранению участия США в делах региона для сдерживания амбиций Москвы и Пекина. «Эти факторы... представляют собой контекст для “политики США в Центральной Азии 3.0”» [12, с. 4].

Однако в нынешних (2016–2018 гг.) условиях место Центральной Азии в американской повестке относительно ослабевает. На это обстоятельство влияют как снижение ассигнований на оборонную сферу и помощь иностранным государствам, так и обострение международных конфликтных ситуаций, которые представляют более значительный интерес для США. Разумеется, США не уйдут из региона, но им придется определиться с приоритетами различных стратегических целей. По этому вопросу в среде американских экспертов и практиков существуют серьезные разногласия. Одна часть специалистов выступает за продвижение принципа «прежде всего демократия» (*democracy first*), другая — за стратегию «прежде всего безопасность» (*security first*), а третья группа — за принцип сбалансированного укрепления, в котором большое значение уделяется энергетическому фактору [7, с. 72]. Последний подход, отличающийся балансом между ценностями и безопасностью, пользуется поддержкой американского руководства, и именно он, судя по всему, становится основой актуальной политики США в Центральной Азии, к реализации которой на этапе 3.0. были подключены механизмы американской публичной дипломатии. Другими словами, в условиях возрастающей турбулентности на международной арене и неопределенности во внутренней политике, сложившихся после президентских выборов в США 2016 г., публичная дипломатия становится для американской стороны все более важным ресурсом региональной стратегии в юго-восточном сегменте постсоветского пространства.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РОЛЬ ИНСТИТУТА В РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

Активизация политики ведущих держав региона формирует конкурентную региональную среду, в которой «элементы сотрудничества и взаимной поддержки сопоставляются с соперничеством, недопониманием и взаимными опасениями» [1, с. 6]. В этих новых условиях, напоминающих образы «Большой игры» второй половины XIX — начала XX вв., борьба ведется не только за геополитические позиции и за экономические выгоды, но и «за умы и сердца» населения, которое является основной целевой аудиторией публичной дипломатии в регионе.

Публичная дипломатия США в Центральной Азии активизировалась сразу после распада СССР. США попытались воспользоваться тем информационно-культурным вакуумом, который образовался в регионе, и активно начали его заполнять продуктами американского масс-медиа. Американцы обзавелись широкой сетью ресурсных центров по всему региону, которые активно

работают с населением в самых отдаленных районах. Таких центров у США здесь около полусотни, и наиболее важными из них являются так называемые «Американские уголки» (*American corners*), число которых в странах Центральной Азии достигает 24 [8, с.78–79]. Эти «уголки» занимаются распространением информации об американской внешней политике, о жизни, работе и образовании в США, то есть, вообще говоря, тем, из чего обычно и состоит рутинная часть работы в сфере публичной дипломатии. Примечательно, что в уже упоминавшейся статье Ф. Старра «Партнерство для Центральной Азии» указывается, что «нужно добиться от местного населения понимания лежащих в основе программ США намерений и тех фундаментальных американских ценностей, которыми они вдохновляются... Для этого необходимо проводить работу в сфере народной дипломатии, образования и в СМИ. Начало народной дипломатии должно быть положено путем распространения американских культурных центров (под названием «Уголок Америки»)» [13, с. 175]. То есть именно рутинная и планомерная деятельность рассматривается как предпосылка форсированной региональной трансформации.

Еще одним важным механизмом публичной дипломатии США в регионе являются НПО, которые сотрудничают в разных областях как с государственными структурами, так и с местными независимыми и/или оппозиционными СМИ. Степень их «симпатий» к оппозиционным настроениям варьирует, хотя попытки сыграть роль арбитра или, тем более, связующего звена между официальными властями и их оппонентами, практически нигде не увенчались успехом.

Помимо активной работы в традиционных форматах на местах, публичная дипломатия США в регионе в последнее время очень активно использует возможности Web 2.0. Это объясняется, во-первых, более удобным способом быстрой передачи информации; во-вторых, значительным распространением и постоянным увеличением числа пользователей сети Интернет в государствах Центральной Азии, а также их граждан, находящихся временно за рубежом (преимущественно в России). Почти все посольства и ресурсные центры США представлены в самых популярных социальных сетях постсоветского пространства («Одноклассники», «ВКонтакте», «Фейсбук», видеохостинг «Ютуб»). Очень продуктивно и на всех языках центральноазиатского региона работает проверенный временем информационный инструмент публичной дипломатии США — «Радио Свобода». Также функционирует интернет-версия американского канала «Голос Америки» на узбекском и персидском языках. Численность пользователей этих информационных источников не имеет сколько-нибудь достоверных оценок, но благодаря сетевой активности американская сторона обеспечила себе устойчивое информационное присутствие в региональном пространстве, которое можно использовать ситуативно, в зависимости от изменений в национальной системе стратегического целеполагания.

Публичная дипломатия США в Центральной Азии как инструмент достижения внешнеполитических целей имеет региональное и глобальное измерения. Оба эти измерения взаимосвязаны, но региональные цели более вариативны, тогда как на глобальном уровне они практически не меняются: как отмечают авторитетные специалисты, американская внешнеполитическая линия всегда отличалась преемственностью, в ней сохраняются две составляющих глобальной стратегии США — гегемонизм и мессианство (см. [10; 11]). Они выступают постоянными ориентирами для проведения американской внешней политики в ЦА — апелляции к развитию демократических институтов, расширению двустороннего экономического сотрудничества, обеспечению американского лидерства в информационном пространстве и созданию благоприятного имиджа США в глазах местного населения.

Какую роль в достижении названных целей играет публичная дипломатия США в регионе? Статус гражданского общества, прозрачные выборы, свобода слова — все это традиционные вопросы, которые акцентирует публичная дипломатия США в Центральной Азии, используя при этом все имеющиеся организационные ресурсы. Например, с начала 2000-х гг. в регионе активно работали представители «Корпуса мира», но гипертрофированное внимание этой организации к вопросам демократии, прав человека и другим чувствительным в центральноазиатских реалиях аспектам привело к ее уходу, а как полагают наблюдатели, — «выдворению» из региона. В настоящее время «Корпус мира» продолжает работать только в Киргизии, но и там он периодически становится объектом острой критики, которую не может игнорировать, то есть ему приходится адаптироваться к настроениям, условиям и правилам принимающего общества.

Высокую активность американских НПО в сфере региональной публичной дипломатии США объясняют необходимостью борьбы с «российской пропагандой» и «информационной агрессией» в Центральной Азии, на которые до последнего времени, согласно данным ежегодного отчета по публичной дипломатии и международному вещанию США (2014 г. — фискаль-

ный год) выделялись дополнительные средства². Справедливости ради следует отметить, что в обновленном отчете за 2016 фискальный год в контексте Центральной Азии уже не встречаются столь сильные словосочетания при оценке российской информационной деятельности, но растущее влияние России и Китая в регионе называется вызовом для национальных интересов США³. Одновременно усиливается и информационное воздействие с использованием локализованных американских медиа-ресурсов. Именно последний инструмент сегодня становится самым востребованным и удобным. Помимо присутствия в социальных сетях и других платформах интернета, американцы занимаются подготовкой блогеров и т. н. независимых интернет-журналистов. На этом направлении выделяется *Internews Network* — известная американская неправительственная организация. Она имеет филиалы в Киргизии, Казахстане и Таджикистане. И, как и другие американские НПО, уделяет повышенное внимание проектам в области интернет-журналистики, разъясняя технические и правовые аспекты создания СМИ в интернете, распространяя программу TunnelBear и другие утилиты, позволяющие преодолеть блокировку социальных сетей. Американские НПО в центральноазиатских странах часто приглашают IT-специалистов из США, которые читают местным коллегам лекции, проводят семинары и конкурсы [5].

Нельзя сказать, что усилия США по, как они утверждают, демократизации ЦА приносят непосредственные политические дивиденды, не стоит переоценивать и общую эффективность американской публичной дипломатии в достижении этой цели. Однако задачи, решаемые с помощью средств публичной дипломатии, носят долгосрочный, стратегический характер, тесно связанный с вопросами закрепления американского присутствия в центре евразийского континента. Поэтому американская сторона не только не прекращает профильную работу, но, наоборот, наращивает ее и, скорее всего, не откажется от большинства непопулярных установок на этапе 2016–2020 гг., несмотря на все нюансы политической риторики республиканской администрации Белого дома.

Если в политической сфере, по вопросам демократии, прав человека и свободы слова американская публичная дипломатия в Центральной Азии большими успехами похвастаться не может, то в плане опосредования геоэкономических целей внешней политики США она более результативна. В 2011 г. занимавшая в тот период пост Госсекретаря Х. Клинтон, заявила о выдвижении инициативы «Нового шелкового пути» (New Silk Road), осуществление которой предусматривало создание региональной экономической интеграции Центральной и Южной Азии. В реализации данного проекта одним из главных компонентов было названо налаживание бизнес-контактов между странами, чем как раз постоянно и занимается публичная дипломатия США в регионе. Например, благодаря американскому финансированию организуются конференции для предпринимателей из центральноазиатских стран, проводится аналитическая работа в вузах и улучшается коммуникационная инфраструктура⁴. Следует отметить проект USAID по региональному экономическому сотрудничеству (Regional economic cooperation project — REC). Одно из его мероприятий — ежегодный Центральноазиатский торговый форум является важной площадкой для налаживания торговых связей, установления прямых бизнес-контактов, содействия развитию международной торговли. За последние годы более

3 000 предпринимателей, экспертов, лидеров общественного мнения из 20 стран приняли участие в работе форума⁵. В 2015 г. по его итогам были подписаны Меморандумы о сотрудничестве и протоколы намерений на общую сумму более 45 млн долл. на поставку товаров, предоставление транспортно-логистических услуг, организацию тренингов, выставок и ярмарок⁶.

Действительно, на данном направлении американцы проделали большую работу, которая, с одной стороны, действительно важна для социально-экономической стабильности и развития региона, но, с другой — вызывает настороженность явной антироссийской направленностью геополитического проекта как такового. В политическом руководстве США не раз подчеркивали, что американцы будут всячески препятствовать созданию Евразийского союза и другим

² См.: *United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2015. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2014 Budget Data. South and Central Asia Region*. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/247334.pdf>

³ См.: *United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2017. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2016 Budget Data*. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/274950.pdf>

⁴ *U.S. Support for the New Silk Road. US Department of State*. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/index.htm>

⁵ Подробнее см. на сайте ЦТФ. URL: <http://www.catradeforum.org/>

⁶ О ЦТФ в 2015 г. См.: URL: http://car-rec.net/tsentralno_aziatskiy_torgoviy_forum/

возможным форматам «ресоветизации» Центральной Азии⁷. Акторы публичной дипломатии США в лице посольств, НПО, медиа-ресурсов повторяли тезис об исключительной важности проекта «Нового шелкового пути» в экономической области и в сфере безопасности. Однако российские специалисты рассматривали и рассматривают его как часть концептуального плана по созданию «Большой Центральной Азии», реализация которого направлена на «ослабление позиций Москвы в регионе и против интеграционных процессов, локомотивом которых выступает Россия» [6]. Другими словами, вызовы, которые провоцировала американская публичная дипломатия, могли перейти из латентного состояния в активную фазу и только принципиально отличающийся подход России и КНР, воплотившийся в плане Всеобъемлющего экономического партнерства (2016 г.), создал реальную альтернативу перспективе столкновения геополитических интересов в Центральной Азии.

Тем не менее заданный в 2011 г. основной вектор публичной дипломатии США в Центральной Азии сохраняется. Постоянные контакты как официальных лиц, так и руководителей НПО, с элитами центральноазиатских государств, подтверждение готовности оказать финансовую поддержку проведению конференций, круглых столов, встреч бизнес-элит, информационному сопровождению предложенных ранее планов продолжают. Поэтому начало строительства высоковольтной линии электропередач КАСА-1000 (из Киргизии до Пакистана) и газопровода ТАПИ (Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия) можно считать, в том числе, и локальным успехом американской публичной дипломатии, которая весьма активно работала для популяризации этих проектов, как на своих традиционных площадках, так и в широком информационном пространстве. Вместе с тем то, что американская публичная дипломатия оказалась ориентирована не только на продвижение интересов американского бизнеса, а в значительной степени на отстаивание геополитических проектов — причем проектов, не имеющих непосредственного отношения к вопросам американской энергетической безопасности, — объективно ограничивает ее возможности в ближайшем будущем.

Наряду с внешнеполитическими целями, которые относятся к сфере «высокой политики», публичная дипломатия США в Центральной Азии активно вовлечена также в борьбу за культурно-коммуникационное доминирование. Основные задачи в этом плане связаны с созданием положительного имиджа США; распространением американской культуры, ценностей, идей; содействием пониманию американской системы правления и положительному восприятию американской внешней политики. Благодаря разнообразным ресурсам своей «мягкой силы», США достаточно успешно конкурируют в региональном культурном сегменте с Россией, хотя и уступают ей по уровню представленности. В частности, в пользу России играют такие факторы, как распространенность русского языка, миграционные потоки, историческая память, ценностная общность, сохраняющаяся не только среди старших, но и молодых возрастных групп титульного населения всех постсоветских государств, присутствие русскоязычных диаспор.

Тем не менее акторы публичной дипломатии США активно работают с молодым поколением граждан центральноазиатских стран, для которого изучение английского языка нередко включено в число важнейших приоритетов. Американские центры, «уголки» и образовательные программы предлагают весьма интересные варианты изучения языка и применения приобретенных знаний. Выпускники американских вузов и участники обменных программ выделяются хорошей предметной подготовкой и социальной активностью. Как правило, они трудоустраиваются в западных НПО, а их знания местных обычаев, традиций, особенностей менталитета и стереотипов помогают в повышении эффективности американской публичной дипломатии в регионе. Выделяясь к тому же повышенной политической активностью, этот контингент представляет собой одновременно продукт и стратегический ресурс публичной дипломатии США, которые могут быть востребованы для достижения самых разнообразных внешнеполитических установок.

Стремясь к достижению региональных целей в Центральной Азии, публичная дипломатия США неизбежно становится инструментом реализации целей глобального уровня, таких как сдерживание влияния России и Китая. Учитывая ее «мягкость», «завуалированность» (если соответствующий комплекс мероприятий проводится с использованием независимых американских НПО) и гибкость, которыми она отличается от традиционной государственной дипло-

⁷ Clinton vows to thwart new Soviet Union // *The Financial Times*, December 7, 2012. URL: <https://www.ft.com/content/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0>

матии, значение этого инструмента стратегии США в ЦА в среднесрочной перспективе будет только возрастать.

Публичная дипломатия США в постсоветской Центральной Азии не ограничивается разъяснением целей и мотивов внешней политики своей страны, созданием ее благоприятного имиджа и работой по налаживанию сотрудничества между народами. Она является системным продолжением внешней политики этого государства. В этом качестве она будет конкурировать с набирающей силу российской публичной дипломатией, что будет вести к обострению противостояния «мягких сил» России, США, а также Китая в регионе Центральной Азии в ближайшей перспективе.

* * *

Прагматичный взгляд на разнообразие реального опыта публичной дипломатии убеждает, что этот формат международного взаимодействия является не только востребованным в деятельности различных акторов мировой политики, но и очень вариативным. Однако решающую роль неизменно играют цели внешней политики государств, стремящихся подтвердить, расширить или продвинуть свое влияние в масштабах определенного пространства. Поэтому для того, чтобы оценить перспективы выдвигаемых в контексте публичной дипломатии программ, необходимо, во-первых, определить: направлены ли они на обеспечение стабильности принимающих обществ или, напротив, на создание нового соотношения внутривнутриполитических сил, то есть на дестабилизацию; во-вторых, выяснить, опосредует ли практика публичной дипломатии долгосрочные цели соразвития стран-партнеров или же направлена только на подключение их потенциала к односторонним проектам. И, наконец, в-третьих, возможности публичной дипломатии не должны использоваться в качестве нового инструмента обострения международной конкуренции. Несмотря на все более тревожные примеры, «мягкая сила» не должна играть роль авангарда «жесткой силы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатуров А. Д., Дундич А. С., Троицкий Е. Ф. Центральная Азия: отложенный нейтралитет и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. — М.: НОФМО, 2010.
2. Братерский М. В. Политика США в Центральной Азии и интересы России // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 4 (52). С. 64–72.
3. Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 4 (25). С. 155–164.
4. Пименова Е. В. Закат «мягкой силы»? Эволюция теории и практики soft power // Вестник МГИМО-Университета. — 2017. — № 1 (52) — С. 57–66.
5. Попов Д. С. Цифровая дипломатия США в Центральной Азии // Российский институт стратегических исследований, 27 июня 2012. URL: <http://riss.ru/analitics/2566/>
6. Попов Д. С. Вашингтон ведет «Новый Шёлковый путь» в обход России и Китая // Российский институт стратегических исследований, 18 ноября 2015. URL: <http://riss.ru/analitics/22989/>
7. Тянь Роберт Гуан. От Центральной Азии к Большой Центральной Азии: цели и корректировки стратегии США в ЦА // Центральная Азия и Кавказ. — 2009. — Т. 12. — Вып. 3. — С. 68–84.
8. Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2010. — Т. 13. — Вып. 3. — С. 73–86.
9. Цветкова Н. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. — 2015. — Т. 13. — № 3. — С. 121–133.
10. Шаклеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). — М.: Институт США и Канады РАН, 2002.
11. Шаклеина Т. А. В чем «призвание» Америки? // Международные процессы. — 2004. — Т. 2. — № 5. — С. 34–42.
12. Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. U.S. policy toward Central Asia 3.0. / Carnegie Endowment for International Peace. January 25, 2016. URL: <http://carnegieendowment.org/2016/01/25/u.s.-policy-toward-central-asia-3.0/it6d>
13. Starr S. F. A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. Vol. 84. No. 4 (July/Aug. 2005). P. 164–178.
14. Starr S. F. A “Greater Central Asia Partnership” for Afghanistan and Its Neighbors / Silk Road Paper, March 2005. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program — A Joint Transatlantic Research and Policy Center Washington, D.C. Johns Hopkins University.

BAHRI BAHRIEV

Public Diplomacy as an Instrument for Obtaining Foreign Policy Goals of the USA in Central Asia

Bahri Bahriev, PhD student at the Department of World Politics, MGIMO-University. E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

Summary. The article deals with the features of public diplomacy resource' application in US foreign policy in Central Asia. The author claims that American public diplomacy which has been actively working in the region since the collapse of the USSR appears to be an important instrument of achievement of not only regional, but also global objectives of the USA. Despite a certain de-emphasis on the Central Asian direction in the American foreign policy at the present stage, the rising Russian public diplomacy activity and increasing Chinese influence in the region forces Americans to look for public diplomacy response in order to secure their positions in this important, from geopolitical viewpoint and energy resource perspective, region. The aforementioned tendencies shape a competitive regional environment for implementation of public diplomacy.

Keywords: public diplomacy, US public diplomacy, Central Asia, US foreign policy, soft power, Greater Central Asia.

REFERENCES

- Bogaturov A. D., Dundich A. S., Troitskii E. F. *Tsentrāl'naya Aziya: otlozhennyyi neitralitet i mezhdunarodnye otnosheniya v 2000-kh godakh* [Central Asia: A "Delayed Neutrality" and International Relations in the 2000s] Ocherki tekushchey politiki [Essays on Current Politics]. Issue 4. Moscow: NOFMO, 2010.
- Braterskii M.V. *Politika SShA v Tsentrāl'noi Azii i interesy Rossii* [US policy in Central Asia and Russian Interests] Central Asia and the Caucasus. 2007. No. 4 (52). P. 64–72.
- Fominykh A. *Proetsirovanie «myagkoi sily»: publichnaya diplomatiya SSHA i Rossii v postsovetskoi Tsentrāl'noi Azii* [Projection of Soft Power: Public Diplomacy of USA and Russia in Post-Soviet Central Asia] Central Asia and the Caucasus. 2010. Vol. 13. No. 3. P. 73–86.
- Kazantsev A. A. *Politika SShA v postsovetskoi Tsentrāl'noi Azii: kharakter i perspektivy* [Policy of the USA in Post-Soviet Central Asia: Character and Prospects]. Vestnik MGIMO-University. 2012. No. 4 (25). P. 155–164.
- Pimenova E. V. *Zakat "myagkoi sily"? Evolyutsiya teorii i praktiki soft power* [The decline of soft power? Evolution of Theory and practice of Soft Power]. Vestnik MGIMO-University. 2017. No. 1 (52). P. 57–66.
- Popov D. S. *Vashington vedet "Novyi Shelkovyi put'" v obkhod Rossii i Kitaya* [Washington Builds the "New Silk Road" Bypassing Russia and China]. Rossiiskii institut strategicheskikh issledovani. November 18, 2015. URL: <http://riss.ru/analitics/22989/>
- Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. *U.S. policy toward Central Asia 3.0. Carnegie Endowment for International Peace*. January 25, 2016. URL: <http://carnegieendowment.org/2016/01/25/u.s.-policy-toward-central-asia-3.0/it6d>
- Shakleina T. *V chem «prizvanie» Ameriki?* [What is the America's Mission?]. Mezhdunarodnye Processy [International Trends]. 2004. Vol. 2. No. 5. P. 34–42.
- Shakleina T. A. *Rossiia i SShA v novom mirovom poryadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshchestvakh Rossii i SShA (1991–2002)* [Russia and the USA in Modern World Order. Discussions in Political and Academic Communities of Russia and the USA (1991–2002)]. Moscow: Institut SShA i Kanady RAN, 2002.
- Starr S. F. *A "Greater Central Asia Partnership" for Afghanistan and Its Neighbors*. Silk Road Paper, March 2005, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center Washington, D. C. Johns Hopkins University.
- Starr S. F. *A Partnership for Central Asia*. *Foreign Affairs*. Vol. 84, No. 4 (July/Aug. 2005), p. 164–178.
- Tsvetkova N. *Publichnaya diplomatiya SShA: ot «myagkoi sily» k «dialogovoi propagande»* [US Public Diplomacy: From Soft Power to Dialogue Based Propaganda]. Mezhdunarodnye Processy [International Trends]. 2015. Vol. 13. No. 3 (42). P. 121–133.
- Tyan Robert Guan. *Ot Tsentrāl'noi Azii r Bol'shoi Tsentrāl'noi Azii: tseli i korrektyrovki strategii SShA v TsA* [From Central Asia to Greater Central Asia: US Strategy Objectives and Their Corrections]. Central Asia and the Caucasus. 2009. Vol. 12. Issue 3. P. 68–84.